

М.Н. Супрун*

**ГЕРМАНСКИЙ ПЛЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ИСТОРИКА М.И. РОМАНОВА**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-9
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Супрун М.Н. Германский плен Первой мировой в воспоминаниях историка М.И. Романова // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 119–136.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-09.pdf>

M.N. Suprun*

**GERMAN CAPTIVITY OF THE FIRST WORLD WAR
IN THE MEMOIRS OF THE HISTORIAN M.I. ROMANOV**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-9

How to cite:
Suprun M.N. German Captivity of the First World War in the Memoirs of the Historian M.I. Romanov // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 119–136.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-09.pdf>]

Abstract. The article deals with the stay in German captivity during the First World War of the famous northern historian, folklorist and teacher Mikhail Ivanovich Romanov. The paper is based on his diaries and post-war papers, which had been preserved in the family archives of M.I. Romanov's relatives. The diary begins with the author's description of motives for going to the war as a volunteer and the monstrous corruption that he had to face during the time of the formation of his unit and on the way of the unit to the front. When this poorly prepared and equipped regiment to which M.I. Romanov was assigned was thrown into the battle, it was almost completely captured. The article, contrary to the existing view of the First World war captivity, shows that the majority of the Germans sympathized with the captured enemy, burghers or entrepreneurs, to whose economy the prisoners were sent, did not burden them with hard work, fed them well, but they also paid them money which was enough for the POWs to visit local bars. Sick prisoners were usually sent to Russia after passing medical examination. Moreover, there were many Russian doctors in the status of POWs, who received almost the same salary as their German colleagues. Those doctors saved a lot of lives of Russian POWs. This compendium of a multi-page diaries as well as the diaries itself, allows both to take a fresh look at the detention of prisoners of war in German camps according to their social status, the exploit of POWs at various types of work, the relationship between POWs of different nationalities, their perception of the reality... as well as it also opens new pages in the history of the First World War.

Keywords: World War I, German captivity, memoirs of the former POW.

The article has been received by the editor on 21.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Данная статья посвящена пребыванию в германском плену в годы Первой мировой войны известного на Севере историка, фольклориста и педагога Михаила Ивановича Романова. В основу работы положен дневник и послевоенные записи ученого, сохранившиеся в семейных архивах родственников М.И. Романова. Дневник начинается с описания мотивации ухода на войну его автора в качестве добровольца и чудовищной коррупции, с которой пришлось столкнуться ему уже в ходе формирования подразделения и по пути на фронт. Когда плохо подготовленный и так же плохо экипиро-

* **Михаил Николаевич Супрун**, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: suprun.ru@mail.ru
Mikhail Nikolaevich Suprun, Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: suprun.ru@mail.ru

ванный полк, к которому был приписан М.Н.Романов, был брошен в бой, он почти в полном составе оказался в плену. В статье, вопреки существующему представлению о плене Первой мировой, показано, что в большинстве своем германцы сочувственно относились к пленному противнику, а бюргеры или предприниматели, в хозяйство которых направлялись пленные, не только не утруждали их работой и хорошо кормили, но и платили деньги, на которые военнопленные могли себе позволить посещать местные бары. Больных пленных после прохождения медкомиссии обычно отправляли на родину. Причем среди врачей было немало русских в статусе военнопленных, которые получали почти такое же жалование, как и их немецкие коллеги. Благодаря таким докторам были спасены жизни многих русских солдат. Данный компендий многостраничного дневника, как и сам дневник, позволяют не только по-новому взглянуть на содержание военнопленных в германских лагерях по их социальному статусу, использование военнопленных на различных видах работ, взаимоотношения пленников разных национальностей, мироощущения, но и открывают новые страницы в истории Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, германский плен, мемуары бывшего военнопленного.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024 г.

История Первой мировой войны в отечественной историографии на многие годы была вытеснена историей войны Гражданской, в которую «Великая война» и должна была перерасти по замыслу большевиков. Тем ценнее каждый новый исторический источник по истории Первой мировой. Данная статья – компендий дневника времен той войны известного на Севере историка и филолога Михаила Ивановича Романова (28.02.1886-19.06.1956), сына высланного на Север видного народника Ивана Михайловича Романова¹. Революционно-народнические взгляды отца не могли не отразиться на мировоззрении сына. За участие в Первой российской революции Михаил Романов был отчислен из Тотемской учительской семинарии. Был призван на службу в армию, откуда по убеждениям дезертировал в 1909 г., за что несколько месяцев провел в заточении. Дезертирство из царской армии, тем не менее, не помешало ему продолжить университетское образование, прерванное вскоре войной, на которую он ушел добровольцем в 1915 г. Уже в первом бою его полк оказался в окружении под Митавой и М.И. Романов вместе

Рис. 1. Михаил Иванович Романов (фото начала XX в.)

¹ Романов Иван Михайлович (1851–1918), сын священника Вельского уезда Вологодской губернии. Учился в Вельском духовном училище (1862–1869) и Вологодской духовной семинарии (1869–1874). В 1874 г. поступил в Петровско-Разумовскую земледельческую академию в Москве, где примкнул к кружку «петровцев», которым руководил М.Ф. Фроленко. Осенью 1875 г. арестован и отправлен в тюрьму на время подготовки «процесса 50-ти». В ходе другого крупного процесса («процесса 193-х») выяснилась его причастность к народникам, за что в 1876 г. был выслан в Олонецкую губернию, замененную вскоре по ходатайству брата Николая ссылкой в Вологодскую губернию, сначала в Сольвычегодск, потом – на родину, в с. Дмитриево Вельского уезда, где и после освобождения от надзора в 1880 г. продолжил революционную деятельность. Участник Первой российской и Февральской революций. Осудил переворот большевиков в октябре 1917 г. Умер и похоронен на родине, в с. Дмитриево (Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. М., 1931. Стлб. 1349–1350: фот.; Щупин В.И. Народник Иван Романов // Румянцевский музей [Электронный ресурс]. URL: <https://rummuseum.ru/portal/node/896?ysclid=lrpxev4y1u649729079> (дата обращения 28.03.2024)).

с товарищами – в германском плену. Четыре раза он пытается бежать: два на восток, в Россию и два на запад, в Данию. Лишь четвертая попытка оказалась удачной. Все три года пребывания в плену М.И. Романов вел дневник. За этим занятием его застала куратор лагеря для интернированных Ингеборг Стеманн, дочь губернатора датской провинции Рибе². Светлый ум, хорошие манеры, знание языков, а также царская фамилия (как ни отрицал М.И. Романов свою принадлежность к царствующей династии) сблизили молодых людей. После их помолвки Ингеборг Стеманн, будучи преподавателем Копенгагенского и Сорбонского университетов, опубликовала часть дневниковых записей М.И. Романова (до сих пор найденные) в одном из французских изданий. На полученный «гонорар» бывший пленник добрался через Скандинавию в революционную Россию, обещав Ингеборг вернуться.

Воспоминания о германском плене, состоящие из более чем 250 страниц, – лишь небольшая часть «Родовой повести семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области, XVII–XX вв.», которая в виде рукописных фрагментов была собрана и передана родственниками, включая автора этих строк, в Вельский краеведческий музей³. Другую часть рукописей сын М.И. Романова Лев Михайлович и его супруга передали профессору медицины П.В. Ипатову, который опубликовал ее на гектографе для семейного пользования⁴. Между тем большая часть работ Михаила Ивановича Романова по-прежнему хранится в семейных архивах, оставаясь недоступной для специалистов⁵. Для пересказа и комментариев многотомной «Родовой повести...» нами была выбрана та часть, которая посвящена пребыванию М.И. Романова в плену с 1915 по 1918 г. – уникальному рассказу, во многом меняющему наши представления о германском плене и восприятии Первой мировой войны ее участниками.

Повествование о войне Михаил Романов начинает с описания организации призыва: «Объявление войны пришло в бурную грозовую ночь. В доме местного священника слышны были песни, звуки гармоники. Там шла свадьба поповой дочки. Зловеще кричала сова под крышею, грозно гремели раскаты грома, и так странно врывались в эти звуки человеческого веселья. Мы с Антоном⁶ (младшим братом Михаила Ивановича, гимназистом. – М. С.) сидели у окна и наблюдали грозу. Вдруг к волостному правлению подскочил верховой вестовой, гулко и нетерпеливо начал барабанить в дверь. Я вышел на балкон и спросил его: Что стряслось?»

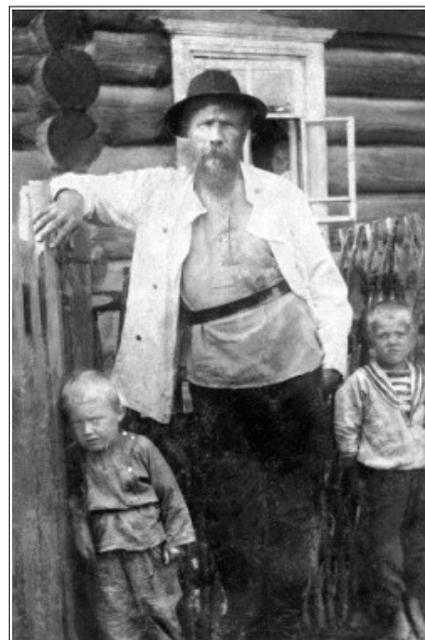

Рис. 2. Ссылный народник Иван Михайлович Романов с сыновьями Вениамином и Вячеславом (фото конца XIX в. из архива П.В. Ипатова)

² Ингеборг Хельга Фредерик Амалия фон Стеманн (Штеманн), род. в г. Раннерс 10 мая 1889 г., дочь губернатора Рибе Густава фон Стеманна. Преподаватель, лингвист. Автор 5 книг по языкознанию. В 1950-е гг. – директор Летних лингвистических курсов для иностранных студентов при Копенгагенском университете. Кавалер датского ордена Даннеброга (1954 г.). Скончалась 27 мая 1973 г. в Копенгагене.

³ См. МУК Вельский районный краеведческий музей им. В.Ф. Кулакова, кп – 9204.

⁴ Романов М.И. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII–XX вв. Ч. 2. Россия на рубеже веков, взгляд из северного захолустья. Детство, юность, молодые годы. Армия, казарма, крепостная тюрьма (мемуары 1886–1914 гг.). Ч. 3. Война и революция в России глазами членов семьи Романовых и их друзей. Плен, чужбина, становление Советской власти в Мурманске, ранение, возвращение домой (мемуары 1914–1920 гг.). М., 2008. (Семейный архив П.В. и А.В. Ипатовых).

⁵ Часть библиотеки и привлеченных к публикации рукописных материалов из книг М.И. Романова, включая «По ухабам жизни» и «По Полярной Звезде», была передана автору публикации М.Н. Ипатовой-Романовой – жене брата Михаила Ивановича – Вениамина в 1974 г. в п. Кизема Архангельской области.

⁶ Младший брат Михаила Ивановича Антон после окончания офицерских курсов в звании прапорщика 302-го Сурлинского полка погиб 13 сентября 1915 г. в бою у деревни Урече в 70 км от Минска.

– Война объявлена. Немедленно нужно проводить мобилизацию! – и вновь забарабанил в дверь. Я не спросил его, с кем война, по международным событиям я уже ждал войны с Германией»⁷.

Вскоре по округе начался призыв с проводами ратников и досрочных рекрутов. «Обыкновенно призываемые служили молебен пр.(есвятой) Троице, а потом, перед отправкой, почти все соседи считали долгом зайти в дом отправляющегося и проститься с ним самым родственным способом. Приглашался на провода и священник, который благословлял будущего воина совместно с родителями...»⁸.

М. Романов, не колеблясь, принимает решение идти на фронт. Понимая, что может вернуться с войны инвалидом, он едет в г. Вельск, чтобы сдать экстерном экзамены на получение «сертификата» учителя (в случае инвалидности, – рассуждает М.И. Романов, – учительским трудом можно было бы всегда себя прокормить). Заручившись заветным сертификатом, он отправляется в Москву, мечтая поступить в авиационную школу. Но по прибытии в Первопрестольную узнает, что из-за неких бюрократических проволочек сможет стать курсантом авиашколы не ранее чем через два-три месяца. От предложения пройти 6-месячные офицерские курсы он также отказался, будучи уверенным, что за время обучения война может закончиться. Тогда М. Романов подает прошение направить его на фронт добровольцем. Причину такого решения объясняет так:

«А я-то зачем еду на фронт добровольно? Что меня гонит? Какая необходимость?... Я начинал чувствовать, что теряю собственное “Я”, свою душу, что погружаюсь в болото обывательской, мерзостной жизни со скотскими инстинктами, что человеческое начало начинает покидать меня. Чтобы встряхнуть эту одурманивающую сонливость и лень, мне нужны были сильные ощущения, черт с ним, что и убьют, так разве не лишают жизни по собственному желанию многие люди, устав сопротивляться этими мерзостями, а не хотел ли и я тоже покончить свою жизнь сам, так мне ли бояться смерти. Я хочу шторма и наплевать, что в шторме я погибну»⁹.

12 февраля 1915 г. добровольца Романова определяют в московские Спасские казармы. А уже через неделю после «бесполезной» подготовки его роту, состоящую исключительно из волонтеров, отправляют в Варшаву. За неделю «обучения» рядовой Романов увидел то, что складывалось в армии и государстве годами. «Процветало казнокрадство, – записывает он в дневнике. – Артельщики и повара продавали провизию целыми мешками... унтер-офицеры и фельдфебели тащили каждый в меру своей способности, а про высшее начальство ходили самые темные слухи, вплоть до того, что высшее начальство обворовывает солдат и казну и продает германцам солдат целыми армиями, – что тоже не могло способствовать боевому духу солдат»¹⁰.

Всю дорогу в вагоне-теплушке до Варшавы солдаты играли в «двадцать одно очко», «...издевались насколько хватало остроумия над российскими порядками и своим российским начальством за глупость и неповоротливое тугодумие, а главное – повальное казнокрадство, скарденность, что даже при посылке на фронт, на смерть не обеспечить этих солдат даже нормальным питанием, вынужденным на каждой станции “шакалить”»¹¹.

Рис. 3. Спасские казармы на Садовой-Спасской улице в Москве. Фото: П.П. Павлов, 1910-е гг.

⁷ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. Ч. 3: Война и революции в России глазами членов семьи Романовых и их друзей... С. 257.

⁸ Там же. С. 255.

⁹ Там же. С. 259.

¹⁰ Там же. С. 261.

¹¹ Там же. С. 263.

По прибытии в Цеханов¹² роту, к которой был приписан Романов, зачислили в 151-й Пятигорский полк XIX корпуса, который тут же перебрасывают в Курляндию, где германские войска прорвали фронт. 22 апреля полк прибыл в Митава¹³, а спустя 4 дня состоялось первое столкновение с противником, в ходе которого германцам удалось уничтожить штаб полка вместе с командиром, захватив полковое знамя. На следующий день полк попытался контратаковать, но попал в окружение. Завязалась перестрелка. Далее М.И. Романов так описывает свое участие в бою: «...Я прицелился из винтовки в бежавшего на меня пожилого немца в очках, щелкнул курком и тут только вспомнил, что моя винтовка не стреляет, опустил дуло и ждал ответного выстрела. Немец тоже остановился и прицелился. Но тоже опустил ее и махнул мне рукой в сторону – там строились уже в колонну наши солдаты, сдавшиеся в плен. Лицо его выражало смущение и утомление. Я бросил винтовку и пошел к колонне. Тут меня схватил за рукав другой немец:

– Цукер, цукер! – Найн цукер, – сказал я ему и встал в колонну, где уже стоял мой приятель Набережный.

С этого момента, 17 часов 28 апреля 1915 года, началась моя новая фаза жизни – в немецком плену»¹⁴.

Рис. 4. Карта лагерей для военнопленных в Германии в годы Первой мировой войны

В том бою в плен попал почти весь 151-й полк. По крайней мере, в колонне пленных, которую гнали после боя на станцию Тильзит¹⁵, было не менее двух тысяч человек. На станции их погрузили в вагоны и через Кенигсберг 7 мая доставили в лагерь близ городка Черск¹⁶. Это был лагерь лазаретного типа, обнесенный по периметру рядами колючей проволоки. Внутри – 50 барачков, рассчитанных на 80 человек каждый. Первые дни пребывания были отведены на санобработку и противоэпидемиологическую вакцинацию. Пленных партиями загоняли в баню и, наскоро обмыв водой, заставляли смазывать волосатые части тела особой мазью, от которой «гибли даже зародыши вшей и блох». Оставленную на пороге бани одежду отвозили в город для дезинфекции в специальных печах. Пока обрабатывали и перевозили одежду, пленные часами сидели нагими возле бани. Благо конец апреля 1915 г.

¹² Цеханув (польск. Siechanów) – город в Мазовецком воеводстве Польши в 100 км к северо-западу от Варшавы.

¹³ Город Митава – центр Курляндской губернии. Современный латвийский город г. Елгава (Jelgava).

¹⁴ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьганской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 277.

¹⁵ Тильзит – город в Восточной Пруссии (ныне г. Советск Калининградской области РФ).

¹⁶ Черск (польск. Czernsk, нем. Heiderode) – город в составе Поморского воеводства Польши.

в тех краях выдался очень теплым. Около месяца пленников держали на карантине, по прохождении которого стали назначать на лагерные работы по чистке картофеля, удобрению полей из ассенизационных бочек и осушению болот. Часть пленных привлекали к «казенным работам» на соседних фабриках или в поместьях.

Русских из барака для «интеллигентов», куда попал М. Романов как учитель, к работам не привлекали. Но вскоре ему наскучило сидеть без дела и он попросился направить его куда-нибудь. Куда – не важно. И как только собралась партия из нужных 10 человек, ее отправили для работ на небольшой фабрике по производству крахмала («немецкой муки») на станцию Ненварк (польское название – г. Ново-Място¹⁷). Здесь пленников встретил весьма добродушный хозяин, распределивший партию по рабочим местам. Работа, как оказалось, не была утомительной, да и кормили неплохо. «В 8 часов пили кофе с хлебом, в 12 часов шли в город на обед. Обед состоял из двух блюд. Был вкусен и обилен. Часовой крепко стоял за наши интересы, и когда однажды нам дали тухлого мяса, он пробрал хозяина ресторана. В 13 шли на фабрику и работали до 18 часов. В 18 часов отправлялись домой, умывались или купались в реке. Она протекала по садику ресторана. После этого ужинали. Чистили картофель для завтрашнего обеда. Затем начинали горланить песни или шляться по садику»¹⁸. Приставленный часовой почем зря ругал политиков, развязавших войну, и вскоре совсем перестал сопровождать пленных. Это увидел приехавший на завод офицер-инспектор. Вместо немецкого часового был поставлен солдат из поляков, который также ничего плохого не делал, лишь формально неся свою службу.

Когда работа на крахмальной фабрике закончилась, пленных передали владельцу соседней сыроварни. Здесь их также не очень утруждали работой, да и кормили неплохо. На обед водили в дом пожилой польки, которой очень нравились русские песни. За песни та угощала пивом. Впрочем, пленные часто сами бегали за пивом и шнапсом в соседнюю корчму, несмотря на то, что это было категорически запрещено под страхом отправки на фронт приставленного к ним конвоира. Денег, которые получали пленные за работу, вполне хватало на посещение питейных заведений.

По окончании работ на сыроварне пленников разделили: часть из них была направлена на стройку, другая часть, в которую попросился М. Романов, – на сельхозработы в усадьбу немецкого бюргера. «Кормили неплохо. Работали не утомительно и не от зари до зари, как в российской деревне, а с половины седьмого и до 18 часов, с перерывами на завтрак, обед и “вечер”, т.е. вечерний кофе с хлебом. Убирали хлеб с полей. Работали в саду и на сенокосе. Молотили. Разбирали старое здание»¹⁹. В воскресенье обычно не работали, проводя время либо в трактире («ресторане») за пивом, либо на гуляньях за околицей с местными «хлопаками» и с солдатами, прибывшими на побывку. И хотя на ночь хозяин запирали пленников в отдельной комнате, это не помешало одному из них (рядовому Пыхову) завести роман и обвенчаться с дочкой владелицы ресторана. При такой вольности, будучи всего в 50 верстах от линии фронта, М. Романов не мог упустить возможность бежать, а потому стал запасаться провизией.

Первый побег. Обменяв с новоиспеченным женихом Пыховым свой мундир на гражданский костюм и шляпу, подаренные жениху будущей тещей, М. Романов в ночь на 1 сентября 1915 г. выбрался через окно и, ориентируясь по Полярной звезде, двинулся на восток. Но, не пройдя и полпути, на следующий день был остановлен германским патрулем и доставлен в помещение караула. «В караульном помещении меня встретили очень гостеприимно, – записал М. Романов. – Накормили до отвала гороховым супом с мясом. Напоили кофе. Предложили курить. Я отказался. Начались расспросы:

- Что, плохо кормили, что сбежал?
- Нет, кормили хорошо.

¹⁷ Нове-Място (польск. Nowe Miasto) – название городов и гмин в Мазовецком воеводстве Польши.

¹⁸ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 284.

¹⁹ Там же. С. 286.

- Тяжело работать?
 - Нет, работать было не тяжело.
 - Жена, дети дома?
 - Нет, я еще холостой.
 - Зачем же тогда убегать? Ведь в России опять на позицию пошлют. Убить могут.
 - Но это долг солдата!
- Все смеются и пожимают в недоумении плечами.

– Дурак! – сказал один по-польски. – Я бы на твоём месте завел себе Маруську и жил бы себе спокойно. Черт бы взял эту войну и все эти долги солдатские и несолдатские! Все это – забобона!

Отвращение к войне и страх перед ней ясно сквозили из их всех слов. Я удивлялся – откуда взялась легенда о каком-то особенно шовинистическом настроении германской армии? Настроение немецких солдат было таким же, как и у русских солдат»²⁰.

На следующий день караульные доставили М. Романова в ближайшую тюрьму²¹, которую охранял один-единственный безоружный надзиратель. На следующий день в сопровождении конвоира пленника препроводили на гауптвахту в Стасбург²², где продержали несколько дней. 8 сентября М. Романова снова доставили в Черский лагерь и поместили в барак для беглецов. Таковых там насчитывалось около семидесяти. Всем им за побег полагалось три недели строгого ареста и два месяца ношения кандалов и рабы с отличным большим белым крестом на спине. Работа – только в пределах лагеря либо санитарами, либо уборщиками.

Поскольку фронт по-прежнему был близок, а работа невыносимая, М. Романов вновь начинает готовить побег. Оказалось, что проще всего это было сделать через лазарет. Набравшись храбрости, М. Романов обратился к русскому врачу из пленных, полковнику Вольпе, с просьбой поместить в лазарет, что позволяло избавиться от креста на спине, а по выздоровлении – попасть на работы за пределы лагеря. Полковник, не задумываясь, написал в картах Романова и еще нескольких его товарищей «нужные» болезни, и 12 сентября бывшие беглецы оказались на больничных койках. Благодаря русским докторам, приписывавшим пленным различные «редкие» болезни, бывшие беглецы пробыли в лазарете до конца апреля 1916 г. За это время М. Романов усовершенствовал свой немецкий и «вполне сносно» научился читать по-польски. В те годы воюющие стороны еще старались соблюдать статьи 2-й Женевской конференции о военнопленных, не только оказывая всевозможную врачебную помощь, но даже практиковали отправку больных и инвалидов на родину. Для этого нужно было пройти специальную врачебную комиссию. Ближайшая от Черска комиссия находилась в лагере Альтдамме²³, куда и решил попасть М. Романов, обратившись к лагерному доктору С. Задарновскому.

Попытка второго побега. Известно, что Германия активно привлекала пленных докторов к лечению раненых и больных соплеменников. Не один десяток русских военнопленных спасли такие врачи, как С. Задарновский. Благодаря ему М. Романов оказался в числе «больных», коих по всем диагнозам, записанным в лазаретную карту, должны были отправить домой. Тем более что по заверению доктора С. Задарновского в комиссии должен был быть его знакомый русский врач, а потому прохождение комиссии становилось не более чем формальной процедурой для возвращения в Россию.

30 апреля 1916 г. почти 300 русских военнопленных, подлежащих медосмотру, доставили в Альтдамм, где разместили в палатках полевого лагеря. Через неделю начался осмотр,

²⁰ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 293.

²¹ В районе некоего «местечка Зонденбург».

²² Страсбург или Страсбур (франц. Strasbourg), Штрасбург (нем. Strassburg) – современный город и коммуна на востоке Франции, историческая столица Эльзаса.

²³ Домбе (нем. Дамм, Альтдамм или Штеттин Альтдамм) – нынешний муниципальный район города Щецин в Польше. В годы Первой мировой войны там находились 4 лагеря для военнопленных, рассчитанных на 15 тыс. человек каждый.

но проводил его только немецкий доктор. «Среди других узловатых и изможденных с желтой морщинистой кожей, дряблыми мышцами моя фигура, – записал в дневник М. Романов, – резко выделялась в веренице очереди. Сложение фигуры в виде эллинских статуй, с нормально розовато-белой кожей, с мускулатурой молотобойца, которая не раз показывала свое превосходство в кулачных боях. Теперь же все это... погубило меня»²⁴. Кандидатура «больного» М. Романова для отправки на родину была забракована. Из палаточного лагеря его и несколько других «больных» пленных отправили в дощатый барак, называемого «туберкулезным», для прохождения дополнительного карантина. В лагере была хорошая библиотека, что дало возможность М. Романову серьезно подтянуть знание языков²⁵.

20 июня 1916 г. всю партию «туберкулезного» барака перевезли в лазарет лагеря Шпротау²⁶. Питание здесь было много лучше, чем в Черске, да и территория больше, поэтому пленные все время проводили на свежем воздухе, играя в лото или в карты. Можно предположить, что улучшенное питание, прогулки на воздухе и стремление к уединению уберегли М. Романова от инфекции в туберкулезном бараке. Уединению способствовало и наличие в лагере библиотеки, в том числе с русскими книгами, которые М. Романов «быстро перечитал... Нашлись кое-какие польские, – записывает он в дневнике, – я их тоже перечитал. Нашлись три книги немецкие, и те перечитал. Остались французские. Французы тоже лежали в нашем лагере, но отдельно от русских. Один француз посоветовал мне выписать словарь и грамматику французского языка через его знакомую, жившую в Швейцарии, дал адрес: М-Ме С. де Клоррайпд Мотель “Европа” Моптреаух Сайссе. Я написал. Вскоре появилась посылка, и в ней, кроме указанных книг, были вложены белые сухари, шоколад, чай, сахар, табак»²⁷. Словарь и учебник позволили быстро освоить французский. Через три месяца он уже читал в день по 100–120 страниц, правда, до разговорного или письменного французского было еще далеко²⁸.

К февралю 1917 г. почти всех пленных перевели из лазарета в лагерные бараки. Резко ухудшилось питание: на завтрак давали кружку эрзац-кофе («каву», как называли его солдаты) и дневную порцию хлеба – 200 г. На обед – бурду с грязными овощами. На ужин –

Рис. 1. Северин Стефанович Задарновский (1887–1961). Фото в лагере Черск, 1916 г. Из архива П.В. Ипатова

²⁴ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 314.

²⁵ Спустя несколько лет этих знаний вполне хватило М.И. Романову, чтобы экстерном сдать экзамен в Государственном центральном институте заочного обучения и получить диплом «переводчика немецкого и английского языков высшей квалификации».

²⁶ Здесь речь идет о лагере в 3 км от городка Спротау (ныне город Шпротава на западе Польши в Любушском воеводстве).

²⁷ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 321.

²⁸ Поздравляя с Рождеством брата Александра, Михаил Иванович сообщил ему, что в плену пишет «роман из Устьянской жизни» и просит прислать учебник «Физика», бумагу и большой русско-немецкий словарь. Однако по данным из Красного Креста, пленным разрешалось присылать напрямую из России только деньги. Посылки же должны были пересылаться только через Комитеты помощи военнопленным в Москве или представительства Красного Креста в нейтральных странах. При отправке из Москвы разрешалось вкладывать в них не более 8 фунтов (3,6 кг. – М. С.) в ящике: «белье по штучке, махорка, съестное всего 2 фунта» по 75 коп. за посылку. Через Швейцарию каждая посылка должна весить не более 2,5 фунтов (1,1 кг) и стоила 30 коп. за упаковку, а через Голландию можно было посылать бесплатно и без ограничений веса в одном ящике. (Из писем 1916 года И.М. Романова, М.И. Романовой и Е. Жаворонковой, хранящихся в семейном архиве П.В. Ипатова и Л.М. Романова). Обычно из Москвы посылка доставлялась в течение 1–2 месяцев, из нейтральных стран и Франции – до 3-х месяцев. (М. С.)

вареную морковь или брюкву. При этом заставляли работать. М. Романов определили на земляные работы, требовавшие больших физических затрат. При том что он был принципиальным противником работы на немцев, о чем не раз сообщал в переписке с родными. Узнав от соседей по бараку о том, что «фаулей» (т.е. «лодырей» или слабых здоровьем землекопов) переводят на более легкие сельскохозяйственные работы, М. Романов стал делать все, чтобы оказаться в числе «лодырей». Однако вместо перевода на более легкие работы его в числе других таких же «фаулей» отправили в лагерь Ляубан (Lauban), известный тяжелыми условиями труда и быта.

Первые пять дней пребывания в Ляубане были предоставлены для обустройства. К удивлению пленников условия размещения в лагере выгодно отличались от таковых в Шпротау. Помещения были похожи на жилые комнаты с деревянными полами и большими окнами. Не было нар. Люди спали на койках или на полу. В центре стоял длинный стол и пара скамеек по бокам. Размещением в бараке и распределением на работы ведал староста из русских пленников. К нему и обратился М. Романов с просьбой направить его на работу в лес, откуда было легче совершить побег. Его желание бежать еще более укрепилось, когда «лесную партию», в составе которой оказался М. Романов, доставили в имение некоего графа и разместили в огромном бараке с 3-этажными нарами, рассчитанном на 400 человек. Невыносимые условия существования, каторжная работа в лесу заставили пленника вновь обратиться к докторам, чтобы те помогли ему вернуться в Ляубан²⁹. Те внесли в его лазаретную карту «нужные» болезни, и вскоре М. Романов снова оказался в базовом лагере. Его возвращение совпало с доставкой в Ляубан гуманитарной помощи из России и Америки. Каждому военнопленному в тот день было выдано по 3 кг ржаных сухарей из России и по проднабору консервов с галетами из США. От неумеренной пищи у всего барака началось несварение желудка. Врачи не успевали осматривать больных. В ходе очередного осмотра М. Романов пожаловался на полипы. Лагерный доктор предложил для их удаления съездить в госпиталь соседнего городка Герлиц.

С направлением на операцию М. Романов в гражданской одежде в пассажирском вагоне и в сопровождении конвоира прибыл в военный госпиталь Герлица. «Госпиталь, – записал в дневнике М. Романов, – здание в выдержанном готическом стиле. Великолепна обстановка. Образцовая чистота. Порядок... Давали очень разнообразные блюда и очень вкусные, но всегда в слишком малых количествах. За обедом играет музыка... После каждого блюда приносили “добавки”, и на нее набрасывались как и русские пленные солдаты в армии, но не было брани, матов и взаимной неприязни и обиды, что кто-либо захватил лучший кусок. И никогда не было даже нареканий, уже не говоря об обычной в среде русских пленных драке из-за добавки. Чувствовалась большая дисциплина»³⁰. М. Романов был единственным русским в этом лазарете. Большинство немецких солдат, узнав о том, что он военнопленный, проявляли к нему особое сочувствие. Несколько надменно поначалу вел себя хирург, но и его мнение к русскому пленному изменилось после двух операций по удалению полипов. Русский попросил не приглашать санитаров, чтобы те держали его, и поразительно мужественно перенес невыносимую боль. После каждой операции начиналось обильное кровотечение, и сосед по койке, немецкий солдат, как сиделка сутками не отходил от русского пленного, помогая ему оправиться после операций. «Какое же идиотство, однако! – замечает по ходу повествования М. Романов. – Человек готов душу отдать за случайного товарища по койке, а встретились бы мы с ним в бою, в штыковой атаке, я ему или он бы мне воткнул штык в живот. Как же искажают человеческие отношения все эти гнусные государственные системы, и та система гнуснее, в которой больше имеется средств для оболванивания народа и средств подавления»³¹.

²⁹ Вряд ли М. Романов знал, что, согласно Женевской конвенции 1906 г., военнопленные офицеры освобождались от работ. Профессия учителя предполагала более высокое образование, чем у остальных пленных, и во многих лагерях к М. Романову часто относились как к пленному офицеру, чем он постоянно пользовался. Смеем предположить, что в том ему во многом помогала и царская фамилия.

³⁰ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 338.

³¹ Там же. С. 339.

Этот же немецкий солдат при выписке М. Романова из лазарета сообщил ему о низвержении монархии в России: «...у вас в России громаднейшие события. Народ скинул вашего Николашку с престола. Эх, если бы и у нас скинули кайзера Вильгельма, то никакой бы войны не было»³². Известие было ошеломляющим. «И такая тоска по России нахлынула на меня. Хотелось в Россию, чтобы включиться в жизнь без ненавистного правительства, царя и полиции. Величественность событий, которые происходят в мое отсутствие, поразила меня и звала на Родину», – записал он в этот день в дневнике³³. С известием о революции М. Романов возвращается в Ляубан. События в России настолько возбудили пленных, что в тот же вечер они объявили забастовку, требуя улучшения питания и условий содержания. Сначала они отказались от ужина, а на утро – от завтрака и выхода на работу. В подстрекательстве к беспорядкам обвинили М. Романова как одного из самых авторитетных пленников. К вечеру в Ляубан прибыла карательная команда, которая демонстративно перед строем жестоко избивала М. Романова и бросила его в карцер. Избиения продолжились ночью, когда в камеру ввалились пьяные конвойный офицер с управляющим. Несмотря на побои и угрозы расстрела, утром М. Романов снова отказался выйти на работу.

Мужество, с каким М. Романов держался в карцере, вызвали сочувствие охранявших его солдат. Один из них, социал-демократ из Бремена, принес арестанту несколько одеял и горячей пищи, что позволило пленнику продержаться в холодной яме несколько дней до перевода в арестантский барак. Спустя две недели состоялся суд, приговоривший М. Романова к бессрочным каторжным работам на «арестантских шахтах», что было равносильно смерти. Многие военнопленные настолько боялись отправки на рудники, что кончали жизнь самоубийством. Поэтому отправку арестантской команды на рудники начальство организовало как специальную операцию, для чего в лагерь прибыла дополнительно группа конвоиров с каторги.

По окончании судебных разбирательств каторжная команда ворвалась в казарму «как в окоп», выгоняя заключенных прикладами на плац. В давке и неразберихе «каторжники» смешались с остальными обитателями лагеря, чем не преминул воспользоваться арестант М. Романов. Смешавшись с толпой других заключенных, он пробрался в лазарет, где сообщил немецкому врачу, что очень плохо себя чувствует. Тот признал его вполне здоровым, но узнав, что перед ним стоит учитель, попридержал его в лазарете, написав письмо коменданту с просьбой перевести М. Романова в барак для интеллигентов. Пока М. Романов находился в лазарете, арестантская команда убыла с колонной каторжников, увозя с собою карточку «арестанта М. Романова». Поэтому для легализации в прежнем качестве важно было завести новую карточку и внести ее в общую картотеку.

В то время в канцелярии лагеря работали двое русских военнопленных из студентов, одному из которых М. Романов некогда оказал весьма полезную услугу. Тот нашел и заполнил на «арестанта» чистый бланк, указав в нем довоенную профессию пленного и новый его статус. Так М. Романов оказался в «интеллигентском бараке», где ему выделили койку с полным комплектом постельного белья, «плисовую куртку с желтыми нарукавниками и новые брюки с такими же лампасами», выдали продуктовую посылку от Красного Креста, побрили, вручив банный «ярлык», который предоставлял право мыться в бане в любое время. Обитателями барака были учителя, студенты, музыканты. Последние были собраны в профессиональный струнный оркестр. На работы не гоняли, их «...время проходило в беседах, чтении книг, гулянии по лагерю».

В конце мая 1917 г. из «интеллигентского барака» стали набирать команду для выполнения писарских обязанностей в «лагере Скальмержицы»³⁴. В эту группу записали

³² Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 339.

³³ Там же.

³⁴ Скальмержиц (нем. Skalmierschütz) – лагерь для интернированных № 5 – Шчипиорно (Skalmierzyce-Szczyrpień). Ныне небольшой городок в Великопольском воеводстве в 100 км к юго-востоку от Познани. Лагерь состоял из более чем 120 бараков 30×20 м каждый, внутри по четыре ряда четырехэтажных нар. Лагерь был разбит на блоки, блоки – на роты. В каждой роте по 20 бараков со своей канцелярией. Кроме того, канце-

и М. Романова. По прибытии в начале июня в Скальмержиц выяснилось, что ротация канцеляристов в этом лагере понадобилась, чтобы искоренить в нем «страшную коррупцию». Предыдущая команда писарей и переводчиков вместе с лагерным начальством на всем старалась делать деньги. Продавали все: пленным – их собственные посылки и места на работу, конвоирам – казенные одежду и обувь. Поскольку М. Романов научился к тому времени писать по-немецки, его назначили писарем 3-й роты, т.е. начальником «канцелярии» почти 20 барачков. Помощником приставили студента, который помог ему в Ляубане выправить документы. Многие бумаги, проходившие через канцелярию, давали возможность не только познакомиться с внутренним документооборотом лагеря, но и с некоторыми делами пленными, включая вновь прибывших русских солдат весеннего призыва 1917 г., или, как их называли в лагере, «керенских солдат». Они отличались от мобилизованных прежних призывов более выраженной политической ориентацией. В их числе были и большевики, державшиеся гордо и особняком. «Это были ратники большевизма, а почему они назывались большевиками, в чем состоит их теория большевизма, они не знали, – записал в дневнике М. Романов. – Знали лишь то, что они за мировую революцию и за диктатуру рабочего класса, а что такое “диктатура”, тоже не знали. Знали, что их позиция верная, и были этим горды. Я из их поведения и поведения других приверженцев понял, что у этих вождей была более ясная и четкая программа действий, они знали, чего хотели, и знали, что делать на данное время, тогда как другие переживали идейное и практическое шатание. А в борьбе всегда побеждает тот, кто целеустремлен, и из этого я заключил, что будущее принадлежит большевикам. Хотя я не верил ни в социализм, а тем более – коммунизм... Надо было переродить сначала человека, а уж после строить социалистическое общество. А большевики сразу замахнулись на мировую революцию и тем самым нажили врагов по всему миру, тогда как в своей стране построение социализма представляет эпохальную проблему. То, что они так решительно и смело, а главное уверенно, брались на такое дело, смахивающее на грандиозную авантюру, подкупало и создавало симпатию народа»³⁵.

Из-за войны и экономической блокады положение с продовольствием в Германии ухудшалось с каждым годом. В бóльшей степени это ощущали на себе военнопленные. Питание в лагере становилось все более скверным, поэтому изжить коррупцию на этом фоне было невозможно. М. Романов вновь задумался о побеге, а потому написал прошение о переводе его из канцелярии на сельхозработы, с которых было проще сбежать. Старший по бараку не возражал, при условии что тот подберет себе замену. Среди «керенских солдат» нашелся псаломщик, умеющий писать по-латыни. Его М. Романов быстро обучил основным навыкам работы писаря и с первой же партией 20 августа 1917 г. покинул ненавистный ему Скальмержице. Спустя сутки он прибыл в лагерь Пархим³⁶.

Огромный лагерь выглядел пустым: с началом полевых работ бóльшая часть пленными была распределена по деревням. Команду, с которой прибыл М. Романов, отправили на север, к морю, где погрузили на пароход и доставили на остров Файмар, который славился хлебоборными полями и богатством местных обывателей. М. Романова определили в поместье «дородной хозяйки», разместив в каморке, некогда служившей кладовой. Кормили хорошо, подавая каждый день на обед пиво. Неплохим по меркам плена было и жалованье – полмарки в день. Но и работать в период уборочной страды заставляли от темна до темна, что, по убеждению М. Романова, нарушало права военнопленных. Отставив свои права, он подговаривает товарищей объявить забастовку. Для погашения конфликта потребовалось вмешательство конвойной команды, после чего зачинщика возвращают на материк, где приписывают к хозяйству «помещика» фон Глейвица. Здесь уже

лярия имелась в каждом блоке. В роте по штату должен быть писарь-переводчик, умеющий писать по-русски и по-немецки. В 1920 г., когда в лагере квартировали отряды Савинкова, здесь размещалось 4 500 человек.

³⁵ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 349.

³⁶ Лагерь Пархим – один из крупнейших лагерей близ одноименного городка земли Мекленбург – Передняя Померания, построенный на месте бывшего кавалерийского полигона. Численность военнопленных стран Антанты в нем достигала 20 тыс. человек.

работало до полусотни военнопленных, половину из которых составляли русские, вторую половину – французы и бельгийцы. Кормили здесь гораздо хуже, да и платили в три раза меньше, чем на острове: 15 пфеннингов в день. Но зато работать здесь было легче – с 6 до 19 часов³⁷. Поэтому, имея свободное время, многие пленные заводили «любовные связи с немками». Правда, «в качестве любовника немки предпочитали более французов, нежели русских». В целом немцы относились к французам и бельгийцам лучше, чем к русским. К ним на работы не приставляли часовых, считая, что те всегда сами работают на совесть. Их кормили отдельно, и не только потому, что те ели жаренных в масле улиток, но и потому, что рацион французов был богаче, поскольку Франция, как считали пленные, в отличие от России, регулярно отправляла своим соотечественникам посылки с гуманитарной помощью. Впрочем, русские сами не спешили столоваться с французами. «Поразили меня французы, – пишет М.И. Романов, – я считал их народом высокой культуры, но то, как они вели себя во время принятия пищи, поразило меня. Обедая, они за столом беспрестанно портили воздух, абсолютно не стесняясь, а наоборот, еще и устраивали вроде соревнования. Такое форменное свинство возмущало русских, и мы обедали отдельно»³⁸.

Поработав неделю у фон Глейвица и почувствовав некоторые вольности, М. Романов стал снова готовить побег, на этот раз на запад, в Данию, благо граница была сравнительно недалеко. Нашелся товарищ по побегу – уроженец Пермской губернии Николай. Вместе они стали запасать провизию. Французы помогли с картой и компасом.

В назначенное воскресенье, когда все спали, беглецы пробрались за ворота и по лунной дорожке двинулись на запад. Спустя два дня они вышли на пограничные укрепления близ городка Нейстаф. Несмотря на арестантскую одежду – куртки с желтыми обшлагами и брюки с такими же лампасами, беглецы в сумерках беспрепятственно прошли через весь город, а еще через сутки пути оказались в центре какого-то городка, где были остановлены полицией. Полицейские оказались весьма добродушными: поместили в теплую камеру, дали выспаться и даже спросили, куда лучше отправить беглецов, в лагерь Пархим, где их ожидало серьезное наказание, или обратно к помещику. Через несколько дней приехал часовой и доставил беглецов в поместье. Пермский приятель свалил всю вину на М. Романова, за что был освобожден от наказания. М. Романова же посадили на три недели в холодную камеру на хлеб и воду. Причем хлеб давали раз в четыре дня или когда выгоняли на работу.

По истечении срока наказания склонного к побегам пленника отправили на чугунолитейный завод в город «Ренсбург» (Рендсбург. – М. С.)³⁹, что на берегу Кильского канала. Ожидания грязной и тяжелой работы «в саксонских каторжных шахтах» не оправдались. Завод предоставлял пленным отдельную просторную спальню, на койках – матрасы с подушками и постельным бельем. И хотя кормили здесь скудно, но лучше, чем в лагере, и пищу готовили «очень чисто и старательно, с хорошими вкусовыми качествами». Хорошим было и отношение немцев к пленным. М. Романову даже захотелось применить здесь свои изобретательские способности. Его прикрепили к старому добродушному мастеру, который принялся обучать русского приемам заливки чугуном нужных форм. Работа не клеилась, была тяжелой и небезопасной. Русский выдавал много брака, за что был вскоре переведен из литейного цеха во двор разнорабочим. Многие пленные специально допускали брак для перевода на более легкие работы и чистый воздух. Таких «фаулей» набралась целая команда, к которой был приставлен конвоир. Тот тоже оказался «фаулем» и совсем не интересовался тем, что делают пленные. А те, по словам М. Романова, работали лишь, когда «надо было согреться».

После шести недель пребывания в Рендсбурге команду «фаулей» перевезли на мармеладную фабрику в Альтдамм – пригород Гамбурга. Хозяином фабрики был русский еврей,

³⁷ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 357.

³⁸ Там же.

³⁹ Рендсбург – город Германии в земле Шлезвиг-Гольштейн на берегу реки Эйдер и Кильского канала.

управляющим – датчанин. Оба относились к русским очень хорошо. Пленных кормили здесь даже лучше, чем немецких рабочих. Поэтому хозяин просил русских не показывать немцам, чем их кормят, во избежание нареканий. Конвоир команды предпочитал также столоваться с русскими. Кроме того, другие русские пленные с соседнего машиностроительного завода ходили на мармеладную фабрику «прикармливаться»⁴⁰.

На фабрике работало много немецких девушек, с которыми пленные быстро подружились, у многих завелись любовные связи. И управляющий фабрики, и почти все немецкие рабочие были социал-демократами. Здесь М. Романову было с кем поспорить о политике. В спорах немцы обычно ругали тактику большевиков, называя ее «татарским социализмом». М. Романов доказывал, что тактика немецких социалистов – это «тактика трусков».

На мармеладной фабрике М. Романов проработал с начала декабря 1917 и до 3 марта 1918 г., т.е. до времени заключения Брестского мира. В конце февраля он прищемил тяжелой бочкой палец и оказался в госпитале в Гамбурге, где пролежал с панарицием три недели. Здесь лечили военнопленных всех стран Антанты. И хотя представители каждой нации держались особняком, тем не менее бельгийцы тяготели к французам, сербы – к русским. Примечательно, что после пропажи продуктов с кухни лазарета немцы приходили с обысками по строго заведенному порядку: «сначала обыскивали греков (эти считались самой вороватой нацией), затем румын, а потом русских. Остальных обычно не трогали. Таким образом, все воровские нации оказывались православными», – записывает в дневнике М. Романов⁴¹. По выписке из госпиталя М. Романов рассчитывал вернуться на мармеладную фабрику, но за ним приехал незнакомый конвоир, который доставил его в поместье некоего бюргера Пасьберга близ Рендсбурга.

К этому времени все уже знали о переговорах в Бресте и живо обсуждали их ход. Осмелели и пленные. С прибытием в поместье М. Романова они вдруг стали открыто выражать свои претензии, требовать добавки к питанию, грозили невыходом на работу, что, естественно, хозяин связал с появлением в поместье М. Романова. Пасьберг поспешил избавиться от русского бунтаря, передав его своему соседу Карлу Кельму, известному своей требовательностью не только к батракам, но и к своим детям, коих у него было трое: взрослый сын и две дочери 18 и 16 лет. Вопреки ожиданиям русскому пленному здесь предоставили «чистую комнату с умывальником, пружинной кроватью с мягкой постелью и полотняным бельем». «Роман», как стали называть в доме пленного, ел и работал на равных со всеми членами семьи. С еще большим уважением семья Кельм стала относиться к Роману после того, как узнали, что в России он был учителем. Его перестали направлять на работы, которыми тот тяготел. Конечно, такое не могло продолжаться долго. Кельмам нужен был батрак. Через три недели хозяин запросил другого, более полезного в хозяйстве военнопленного. А Романова отправили в лагерь Ярлунд, что на границе с Данией. Этот лагерь также занимался сдачей военнопленных для работ в поместьях. Местные бауэры, «покупая» пленных, не только платили за них лагерью, но и должны были содержать вновь приобретенных работников, кормить и следить за их поведением. Спрос на работников в ходе подготовки к весенним полевым работам был необычайно велик.

Поначалу по запросам бауэров М. Романова отправляют в г. Фленсбург⁴², потом в Хадерслебен⁴³. За неделю он поменял несколько хозяев, которые, узнав, что из русского учителя они не получают в хозяйстве нужного работника, старались избавиться от него. Наконец, М. Романов оказался на ферме солдата-датчанина, который долго ездил по ближайшим комендатурам в поисках хоть какого-нибудь батрака из военнопленных.

⁴⁰ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 372.

⁴¹ Там же. С. 374.

⁴² Фленсбург (нем. Flensburg) – самый северный в Германии город земельного подчинения, расположен в земле Шлезвиг-Гольштейн.

⁴³ Хадерслебен (нем. Hadersleben) – город и порт на юго-востоке Ютландского полуострова. С 1871 г. входил в состав Германской империи. В 1920 г. по итогам плебисцита был передан Дании. Современное датское название города – Хадерслев.

Истекал срок его отпуска и он должен был срочно убыть на фронт. А ферма крайне нуждалась в работниках.

К концу войны, особенно с выходом из нее России, Германия почувствовала острую нехватку рабочих рук. За пленными в комендатурах выстраивалась очередь. Изменилось и отношение к военнопленным, что тут же почувствовал на себе М. Романов, оказавшись на новом месте. «Действительно, – пишет он, – я попал здесь в очень хорошие условия. Кормили великолепно – не только хлеба, но и мяса, и молока было достаточно.... Блюда различные. Кулинария здесь наука почетная. Ели мы то же, что и хозяева, только за отдельным столом. Мы – вдвоем с Николаем и две работницы-польки, молодые девушки. Каждого блюда столько, чтобы оставалось. Котлет – грудой, яичницы с ветчиной – не одну сковородку. Молока, сыру, суп и других блюд – сколько хочешь»⁴⁴.

Помимо упомянутых двух девушек-полек, в деревне жила еще дюжина молодых польских работниц родом из Австрии, прекрасно говоривших по-русски. Они квартировали в домике на окраине деревни, куда каждый вечер заходили русские пленные. У каждой девушки был свой «кавалер сердца». М. Романов поначалу держался особняком в силу «досадной стеснительности, неумения вести непринужденный, легкий, глуповатый разговор». Одна из девушек Ядвига – любовница Николая, с которым М. Романов делил комнату, однажды сообщила, что Эмма – бывшая подруга сына хозяина, страдает по «Роману», – так звали в деревне Михаила Романова. В один день в каморку, где жили пленные, Ядвига привела Эмму. Без лишних разговоров Ядвига, раздевшись, легла в постель к Николаю, а Эмма – к «Роману». «Теперь жизнь в плену, – пишет М. Романов, – мне не стала казаться такой постылой. Эмма согревала, скрашивала эту жизнь, приходя ко мне регулярно каждый вечер»⁴⁵. И все же мысль о побеге не оставляла пленника. Ведь от деревни, где содержали пленных, до границы с Данией было всего лишь 25 км. Вскоре нашелся еще один пленный – бывший унтер-офицер Григорий Мисюлин, который искал напарника для побега⁴⁶. Вместе они разработали план побега. К его скорой реализации подтолкнул случай. С фронта на побывку в поместье прибыл сын хозяина Ганс – ухажер Эммы. Он стал выслеживать любовную парочку и однажды ранним утром застал ее в меже. За связь с немками военнопленным грозило суровое наказание. В обед прибежала Эмма и сообщила, что Ганс сделал ей предложение и что в понедельник «Романа» отправят в лагерь. При этом Эмма намекнула, что надо бежать к заливу, где «Романа» ждет сюрприз. Времени на раздумья не оставалось.

В воскресенье вечером, когда вся деревня собралась на танцы, беглецы уложили рюкзаки с провизией и двинулись по Полярной звезде к заливу, на противоположном берегу которого проходила германо-датская граница. Оставлять лодки в приграничной зоне местным жителям было категорически запрещено. А чтобы переправиться на противоположный берег залива, надо было проделать крюк в 10 км. К великому удивлению беглецы неожиданно обнаружили в кустах лодку с веслами. Именно на этот «сюрприз» намекала Эмма. Переправившись через залив и затопив лодку, беглецы продолжили путь. Однако уже при подходе к датской границе были остановлены немецкими пограничниками. Очередной побег сорвался. Состоялся военно-полевой суд. Г. Мисюлина направили на прежнее место работы, а М. Романова как зачинщика – на 3 месяца в штрафной лагерь.

Лагерь для штрафников отличался тем, что заключенные в нем сидели в отдельных конурах, где им давали только холодную воду. Правда, когда выводили на работу, добавляли 200 г хлеба. У Романова от голода начались галлюцинации. На счастье в этом лагере арестанта нашли две посылки с продуктами от тетушки Елизаветы Жаворонковой, отправленные более месяца назад из Москвы через Копенгаген и Лондон. Посылки штрафникам выдавать было запрещено. Но охранявший заключенного немецкий ефрейтор в обмен

⁴⁴ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 384.

⁴⁵ Там же. С. 386.

⁴⁶ Унтер-офицер Григорий Варламович Мисюлин – уроженец д. Шелемишово Скопинского уезда Рязанской губернии.

на продукты из посылки пошел на риск и стал ежедневно выдавать пленному свою миску супа, в которую добавлял сухари и толокно. Благодаря этому у пленника прошли голодные галлюцинации.

По окончании срока заключения М. Романов поездом в сопровождении конвоира отправили в деревню, расположенную в 35 км от датской границы, в хозяйство одной старой бюргерши. Кормили здесь неплохо, но и заставляли работать дотемна. В неделю платили чуть более 100 пфенингов, которые пленные обычно оставляли в привокзальном буфете. В один из воскресных дней с компанией русских пленных отправился в буфет и М. Романов. После рассказа о своих побегах он, держа пари, предложил товарищам завтра же сбежать еще раз. К нему решили присоединиться сибиряк Архип Сорокин и житель Средней России некий Николай. Собрал небольшие поклажи с провизией, беглецы на следующее утро покинули поместье и двинулись к датской границе. Почти неделю плутали по лесам, еще несколько дней лежали в схронах возле пограничной полосы, высчитывая время смены часовых. А когда, двигаясь межами и огородами, вышли ночью 21 июля 1918 г. к небольшому домику, выяснилось, что это была уже датская территория.

Престарелые хозяева домика, похоже, не очень испугались, когда ночью в их спальне (дверь дома не была заперта) появились разбойного вида оборванцы. Беглецов вполне доброжелательно приняли и накормили. «Старушка-хозяйка встала с постели, – записал в дневнике М. Романов, – начала хлопотать около плиты, и вскоре для нас был приготовлен великолепный завтрак. Яичница со свиным мясом, кофе со сливками, бутерброды с яйцами, сыром и колбасой. Было такое впечатление, что мы попали в гости к близким родственникам. После завтрака нам приготовили постели, и мы с блаженством заснули»⁴⁷. После обеда дочь хозяев на двуколке отвезла пленных в полицейский участок. После опроса и заполнения анкет беглецов доставили в больницу для прохождения медосмотра. Здесь их накормили, помыли, побрили, выдали чистое белье. Вскоре беглецов посетила милостивая старушка, которая сообщила, что после больницы их поместят в лагерь интернированных, что там нормально кормят и не заставляют работать. Можно даже выходить в город по увольнительным. Если найдется работа, которая может прокормить, разрешается жить за пределами лагеря наравне со свободными гражданами Дании. В конце разговора старушка добавила, что ее муж – губернатор Рибе, а дочь – преподаватель русского языка в университете Копенгагена – заведует лагерем, в который отправят беглецов.

По завершении карантина пленным предоставили добротную гражданскую одежду (на выбор можно было взять даже шляпу и трость) и направили в лагерь, который представлял собой ряд военных брезентовых палаток на 150–200 человек. Кухня и большая столовая располагались в деревянном бараке. Никаких ограждений территория лагеря не имела, местные жители часто заходили сюда и забирали бывших пленников к себе домой, где угощали, каждый раз вспоминая о том, что русская царица – это их принцесса Догмара.

Начальница лагеря – дочь губернатора Рибе госпожа Ингеборг Стеманн, или «русская девушка», как звали ее пленные за прекрасное знание русского языка, очень старалась поддержать бывших военнопленных. Она строго следила за качеством пищи, санитарным состоянием лагеря и его обитателей. В родовом старинном замке ее семьи – баронов

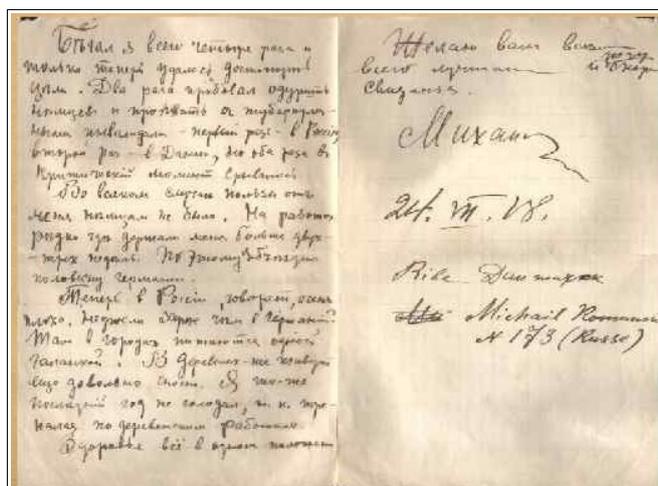

Рис. 6. Письмо М.И. Романова отцу из Рибе, датированное 24 июля 1918 г. Из архива Л.М. Романова

⁴⁷ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России... С. 402.

Стеманн – она открыла русскую библиотеку, которой разрешала пользоваться всем желающим. Более того, часть замка была отведена для проживания русских пленных, доставленных сюда с первой партией. Она обеспечила их всем необходимым, включая письменные принадлежности. М. Романов решил воспользоваться возможностью получить бумагу и чернила, чтобы продолжить вести записи в дневнике. В парке возле замка он облюбовал скамейку со столиком, где, уединившись, почти ежедневно записывал в дневник стихи и размышления о плене. Так случилось, что Ингеборг часто проезжала на велосипеде по дорожкам парка. В один день она остановилась, чтобы поинтересоваться, что пишет один из ее подопечных. Узнав, что это стихи и размышления о плене, попросила дать ей почитать рукопись.

«Прочитав мои записки, – пишет в дневнике М. Романов, – она уже каждый день стала разговаривать со мной. Расспрашивать о России, о жизни в ней, чем я занимался. Спрашивала также, случайно не родственник ли я царствующему дому, так как моя фамилия Романов прекрасно всем известная в Дании тоже по случаю того, что их принцесса Догмар стала Романовой. И хотя я категорически заявил, что я просто однофамилец, у них в Дании это было не совсем понятно, так как Стеманы, например, все считались родственниками ввиду их мизерного по размеру государства. Они и представить не могли наши размеры, наши просторы, кажется, они мне не поверили, а продолжали верить, что какое-то да родство, раз фамилии одинаковые, да есть.

Она познакомила меня со своими родителями, с сестрами и братьями⁴⁸. Ввела в круг своих знакомых. Я даже несколько раз присутствовал на церемониальных обедах, и, поскольку я был чрезвычайно наблюдательным, не делал наобум ничего, как это делают другие, то после обеда я укрепил их во мнении, что я что-то от них скрываю, что я тоже, как и они, принадлежу к аристократическому обществу. А мои энциклопедические знания – всего понемногу в любой области, тоже укрепили их во мнении, что я получил хорошее образование. Так что если бы я захотел, то они охотно приняли меня в качестве своего зятя. Были намеки, что если я стану членом их семьи, то смогу получить даже место посланника от Дании в каком-либо государстве, так как барон Сteman, губернатор города Рибе, имел очень большие связи при дворе короля Христиана».

Молодые люди подружились и полюбили друг друга. Дальнейшее пребывание в лагере было скрашено ежедневными прогулками по окрестностям замка, разговорами и встречами с родственниками Ингеборг или Инги, как стал называть ее М. Романов. Чтобы как-то занять себя и быть полезным Инге, он предложил создать в лагере начальную школу для неграмотных русских солдат, где стал единственным учителем, несмотря на то, что в лагере находились представители дворянства и даже знатных российских родов, включая князя Святополка-Мирского или родственников А. Керенского. Кроме того, Инга поручила «Мише», как она стала его называть, заведовать русской библиотекой, что давало ему возможность ежедневно по несколько часов находиться в замке и проводить время с любимой.

Казалось бы, записывает он в дневнике «все было обеспечено для человеческой жизни: работа, любимая женщина, выбор деятельности, но тоска по родине познается только на расстоянии от родины, только тогда человек начинает это понимать во всей ее силе. Родина – это там, где люди также думают, к тому же стремятся и думают на том же языке»⁴⁹.

Рис. 7. Ингеборг Стеманн

⁴⁸ Родной брат Ингеборг был начальником королевской гвардии, а ее двоюродный брат – министром юстиции.

⁴⁹ Романов М. Родовая повесть семьи Романовых из устьганской деревни Алферовская Архангельской области. XVII–XX вв. ... Ч. III: Война и революции в России ... С. 406.

Ностальгию усиливало желание включиться в новую жизнь постреволюционной России. И хотя информация с родины поступала в лагерь с опозданием и в явно искаженном виде, все обитатели лагеря разделились строго на две партии: просоветская и антисоветская. Причем в первой партии были представители двух главных течений: большевики и эсеры. М. Романов, будучи сыном народника и участником революционных событий 1905 г., более симпатизировал большевикам. Во многом это было обусловлено личностью лидеров большевистской группировки в среде интернированных. В отличие от хвастливого и не очень умного вожака эсеров, большевик Семен отличался твердостью и рассудительностью. Хотя тот и другой постоянно обращались к М. Романову с просьбой разъяснить им их же партийные программы. Симпатии к большевикам усиливались в спорах с Ингой, которая как яркий представитель европейской аристократии воспринимала большевиков так, как их изображали на обложках датских журналов: в виде злобных бородатых разбойников с ножами в зубах.

Вскоре Инга уехала на несколько недель преподавать в Копенгаген. За время ее отсутствия местные власти развели интернированных по двум лагерям. Тех, кто симпатизировал большевикам и собирался вернуться на родину, перевели в лагерь близ города Гельсинберг⁵⁰. Остальных пока оставили в Риббе. Рвавший в Россию М. Романов оказался в Гельсинберге. Здесь хуже кормили, не снабжали одеждой, запрещали покидать лагерную территорию, огороженную колючей проволокой и охраняемую часовым.

Неожиданно пришло письмо из Копенгагена от Ингеборг, в котором она сообщала, что нашла для Миши работу, что его воспоминания о немецком плене перевел на французский язык бывший пленный Малькевич и что их опубликовал «какой-то французский журнал». Кроме того, датский Красный Крест заинтересовался проектом протеза кисти руки, который разработал М. Романов, поэтому просил предоставить дополнительную информацию для изготовления модели, проведения расчетов и т.п. После таких вестей Михаил уже не мог сидеть без дела в лагере и вместе с соплеменником из Бессарабии Иваном Михайловичем Синецей отправился в Копенгаген.

Там они встретились с Ингеборг. Она помогла найти гостиницу. Временно, за 150 крон в месяц, устроились на работу в порту. Небольшой доход поступал и от литературного труда. Переводчик Милькевич познакомил М. Романова с «послом» Ал. Конти, который посоветовал ему поступить в военно-инженерное училище в Париже, обещая до середины 1919 г. содействие, поскольку в июле его переводили на дипломатическую службу в Бразилию. Для принятия решения оставалось 4 месяца. За это время можно было успеть съездить в Россию, чтобы повидаться с родными и вернуться обратно. И Романов решился...

На пароход, отправлявшийся в Швецию, собралась группа русских из девяти человек. Билеты всем купила Ингеборг. Она же пришла проводить Мишу. На пирсе нежно простились. М. Романов обещал вернуться и поступить в военно-инженерное училище. Инга обещала ждать⁵¹.

Через Осло и Тромсе М. Романов пароходом добрался до Мурманска, где был мобилизован в Службу связи флота. Был одним из активных участников «красного переворота» 21 февраля 1920 г. в Мурманске. Спустя два дня в качестве комиссара Службы связи флота отправился на фронт. В составе партизанского отряда Ивана Позднякова («Ваньки Каина») участвовал 27 февраля в бою по отражению атаки белогвардейского бронепоезда у станции Полярный Круг, в ходе которого был ранен в ногу. Ногу пришлось ампутировать. О возвращении в Данию к Инге не могло быть и речи.

По возвращении на родину М. Романов устраивается на работу учителем, собирает материал по истории, фольклору, этнографии. Много пишет. В 1925 г. выходит в свет его

⁵⁰ Очевидно, речь идет о датском городе Хельсингёр (дат. Helsingør), расположенном на южном берегу Эресуннского пролива, с которого, как писал М. Романов, хорошо видно Швецию. Возле этого города был создан лагерь Хорсерд – временный пункт размещения бывших военнопленных, ожидавших отправки на родину.

⁵¹ В семье сестры Михаила Ивановича Манефы Ивановны Романовой-Поповой до сих пор хранят фотографию Ингеборг Стеманн с автографом, отправленную из Дании в Советскую Россию в 1920 г.

первая книга «История одного северного захолустья», высоко оцененная М. Горьким. Для получения разрешения преподавания иностранных языков в техникуме Вельска, куда он переехал с женой-учительницей и детьми, экстерном сдает экзамены в Центральном институте заочного обучения по специальности «Переводчик английского и немецкого языков» высшей квалификации. 21 декабря 1937 г. арестован по доносу коллег за ироничное высказывание в адрес местной профсоюзной организации⁵². Наказание отбывал в «шарашке» Онеглага, разрабатывая «лесопроходящий танк». После освобождения в 1947 г. работал учителем в Вельском районе Архангельской области, где и умер в с. Пежма 19 июня 1956 г.

Дневник и послевоенные записи историка, фольклориста и педагога Михаила Ивановича Романова позволяют не только по-новому взглянуть на содержание военнопленных в германских лагерях по их социальному статусу, использование военнопленных на различных видах работ, взаимоотношения пленников разных национальностей, мироощущения, но и открывают новые страницы в истории Первой мировой войны.

Литература

Романов Иван Михайлович // Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М.: Всесоюз. об-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. Т. 2: Семидесятые годы; Вып. 3: М-Р / сост. А.В. Шилов, М.Г. Карнаухова. Стлб. 1349–1350.

Романов М.И. Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII–XX вв.: в 3 ч. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2004–2008.

Романов Михаил Иванович (1886–1956) // Поморская энциклопедия: в 5 т. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. Т. 1. История Архангельского Севера / гл. ред. В.Н. Булатов; сост. А.А. Куратов. 483 с.

References

Shilov, A.V., Karnauhova, M.G. (Eds.). (1931). Romanov Ivan Mikhailovich [Romanov Ivan Mikhailovich]. In *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Bio-bibliograficheskiy slovar'*. T. 2: *Semidesyatye gody; Vyp. 3* [Leaders of the Revolutionary Movement in Russia. The Bio-Bibliographic Dictionary. Vol. 2: The Seventies; Iss. 3]. Columns 1349–1350.

Romanov, M.I. (2004–2008). *Rodovaya povest' sem'i Romanovyh iz ust'yanskoy derevni Alferovskaya Arhangel'skoy oblasti XVII–XX vv.* [The Family Story of the Romanov Family from the Ustyansk Village of Alferovskaya, Arkhangelsk Region, XVII–XX Centuries]. Moscow, Burdenko Hospital.

Bulatov, V.N., Kuratov, A.A. (Eds.). (2001). Romanov Mihail Ivanovich (1886–1956) [Romanov Mihail Ivanovich (1886–1956)]. In *Pomorskaya entsiklopediya: v 5 t. T. 1: Istoriya Arhangel'skogo Severa*. Arkhangelsk, Pomor State University Press. 483 p.

⁵² Архив Регионального управления ФСБ России по Архангельской области. Архивное уголовное дело № 2191.